

Стоило одинъ разъ въ жизни видѣть Буслаева, чтобы потомъ его образъ напечатлѣлся въ душѣ навсегда. Высокаго роста, сановитаго сложенія, представительной наружности, онъ казался моложе своихъ лѣтъ. Ему въ то время шелъ 58-й годъ, но живость и энергія, присущія его характеру, не допускали и мысли о преклонномъ возрастѣ профессора. Не обыкновенно благородно было выраженіе его лица, обширный умъ выражали его глубоко лежавшіе глаза, открытое высокое чело вполне гармонировало съ правильнымъ оваломъ лица, шла къ нему и небольшая бородка темныхъ съ просѣдью волосъ. Мнѣ извѣстно нѣсколько портретовъ Буслаева, но ни одинъ изъ нихъ не передаетъ, какъ слѣдуетъ, оригинала: вся подвижность, вся эффе́ктность, если позволительно такъ выразиться, фізіономіи О. И.—ча на портретахъ утрачивается. Буслаевъ обладалъ прекрасными изящными манерами, безукоризненною, на англійскій ладъ, деликатностью въ обращеніи, «распаркивался», какъ шутливо говорили иногда о немъ студенты передъ университетскими служителями, одѣвался щеголевато и производилъ вообще самое симпатичное впечатлѣніе. Но что обаятельнѣе всего было въ немъ, чего не передастъ никакая фотографія, никакой портретъ: когда онъ былъ оживленъ, то все лицо свѣтилось особою духовною красотой.

Занявъ свое мѣсто на кафедрѣ, О. И. началъ лекцію, и я былъ очарованъ ею, превратился весь въ слухъ, ловилъ каждое слово лектора. Что меня болѣе всего поразило, такъ это то обстоятельство, что способъ чтенія Буслаева не походилъ на чтеніе другихъ краснорѣчивыхъ профессоровъ. Тамъ было искусство, здѣсь естественность, тамъ декламація, здѣсь какъ бы простой рассказъ, тамъ отдѣлка фразы, здѣсь какъ бы шероховатости, недомолвки, отсутствіе работы надъ конструкціей рѣчи. И въ то же время умѣнье задрѣть за живое слушателей, приковать ихъ вниманіе къ предмету лекціи, не дать имъ возможности скучать и утомляться. О великихъ артистахъ часто употребляется выраженіе: они живутъ на сценѣ. Вполнѣ справедливо о О. И. можно сказать: онъ жилъ на кафедрѣ. Я не знаю, изложилъ ли онъ когда либо десятокъ другой фразъ спокойнымъ, безстрастнымъ, докторальнымъ тономъ? Едва ли. Пока онъ говорилъ, онъ былъ одушевленъ, и это одушевленіе выражалъ движеніями лица, глазъ, головы, разнообразными характерными жестами. Я увѣренъ, что ученики Буслаева, слушавшіе его много лѣтъ тому назадъ, не забыли жестовъ и движеній глубокоуважаемаго наставника своего; такъ они были оригинальны, внезапны и выразительны.

Нечего и говорить, что О. И. Буслаевъ не читалъ своихъ лекцій съ тетрадки и не раскладывалъ на столикѣ кафедры подробнаго конспекта. Для тѣхъ, кто не знаетъ, трудно себѣ представить, какимъ оживляющимъ и освѣжающимъ образомъ дѣйствуетъ на